

© 2017 г.

С.В. БОГДАНОВ, В.Г. ОСТАПЮК

ГРАНИ ПРЕДАТЕЛЬСТВА (КОЛЛАБОРАЦИОНИСТЫ В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ 1941–1943 гг.)

БОГДАНОВ Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета (dr.bogdanov_sv@mail.ru); ОСТАПЮК Владимир Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент того же университета (ostapyuk@bsu.edu.ru). Оба – Белгород, Россия.

Аннотация. Статья посвящена добровольному сотрудничеству отдельных советских граждан с немецкими оккупационными властями в годы Великой Отечественной войны. Рассмотрены сложности и противоречивый характер осмысления в общественном сознании и научной литературе советского периода проблем коллаборационизма. В работе используется материал рассекреченных документов из архивов территориальных органов государственной безопасности Российской Федерации по категории лиц, совершивших преступления на территории Курской области. Вводятся в научный оборот данные о количественном и социальном составе служащих коллаборационистских органов гражданского управления, возрасте и социально-профессиональной принадлежности бургомистров, городских голов, служащих городских управ, районных сельскохозяйственных старшин и сельских старост. Выявляются принципы функционирования, задачи и функции созданных немецким оккупационным командованием городских и районных репрессивных структур. Приведены данные о возрастной и социальной структуре русской вспомогательной полиции на территории области. Исследуется мотивация, побудившая часть советских граждан перейти на сторону фашистской Германии. Высказаны сомнения в связи с упрощенным представлением об изменниках Родины как представителях преимущественно преступной среды, жертвах предвоенного десятилетия.

Ключевые слова: коллаборационизм • измена Родине • Курская область • русская вспомогательная полиция • немецкий “новый порядок” • органы государственной безопасности

Более семи десятилетий отделяют нас от трагических событий Великой Отечественной войны. Однако интерес к этому периоду истории по-прежнему вызывает споры, научные дискуссии, порой откровенные спекуляции, домыслы и ложь. Одним из вопросов великой трагедии XX столетия явилась проблема коллаборационизма – добровольное сотрудничество с немецкими захватчиками и их союзниками на временно оккупированной территории Советского Союза в 1941–1944 гг. Данная проблема в значительной степени актуализируется процессами рефашизации общественного сознания в государствах Прибалтики, Украине. Способствует привлечению повышенного внимания к изучению коллаборационизма в период Великой Отечественной войны и недостаточная изученность этого явления.

Одной из тщательно охраняемых официальной идеологией теневых сторон Великой Отечественной войны являлся факт перехода отдельных граждан на сторону

фашистской Германии, масштабы этого явления; среди отечественных специалистов, занимавшихся этой проблемой, нет единства в оценке масштабов активного коллаборационизма. В справке Управления Народного комиссариата государственной безопасности (НКГБ) по Курской области по состоянию на 1 октября 1945 г. содержалась следующая информация. Всего органами государственной безопасности было арестовано 13552 человека, в том числе 381 агент немецких спецслужб, действовавших на территории области в период ее оккупации, 12898 активных пособников фашистской Германии и бывших полицейских [АУФСБ РФ по Курск. обл. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5 (1945). Л. 61]. Эти цифры по отдельной взятой области страны были далеко не полными, т.к. на протяжении послевоенных десятилетий органы госбезопасности вели кропотливую масштабную работу по выявлению и преданию суду бывших активных коллаборационистов. Но они служат подтверждением тому, что масштабы измены Родине и перехода на сторону гитлеровской Германии носили не единичный характер.

Обзор литературы. Источники. Действительно, в советский период сложилась парадоксальная ситуация: в популярных художественных фильмах “Тени исчезают в полдень”, “Судьба”, “Вечный зов”, рассказах, повестях и романах В. Быкова, А. Иванова, П. Проскурина проблема измены Родине и перехода отдельных советских граждан на сторону гитлеровской Германии находила воплощение в образах некоторых безусловно отрицательных персонажей.

На протяжении продолжительного периода в СССР существовало и тиражировалось официальной пропагандой упрощенное представление о мотивации активного пособничества немецким оккупантам в 1941–1944 гг. После окончания Великой Отечественной войны стали появляться воспоминания участников событий тех лет. Факты измены Родине, активное сотрудничество советских граждан с немецкими войсками эпизодически упоминались, в частности, в воспоминаниях бывших руководителей партизанского движения. Знакомство с данными источниками позволяет обратить внимание на упрощение проблем активного сотрудничества с немецкими оккупантами. В качестве типичного примера воспользуемся мемуарами бывшего начальника штаба Брянской партизанской бригады им. Щорса В.А. Андреева: “Нас, участников партизанской борьбы до глубины возмущало то, что среди русских людей находились отщепенцы, которые шли на немецкую службу. Они вербовались из числа забулдыг, преступников или кулацких отпрысков. Отыщут, бывало, гитлеровцы такого проходимца, назовут его полицейским, вручат ему бумагу с фашистским орлом и свастикой, дадут винтовку с одним-двумя патронами, и заново испеченный служака начинает властвовать” [Андреев, 1949: 131].

Правда, в то время на пути развертывания научных исследований коллаборационизма стоял заслон партийно-государственной цензуры. Лишь в отдельных работах преимущественно исторической направленности предпринимались робкие попытки пролить свет на факты коллаборационизма, но серьезного освещения этой “теневого” грани Второй мировой войны не было. Противоречивость осмыслению феномена коллаборационизма придавали с конца 1950-х до середины 1980-х гг. судебные процессы по уголовным делам бывших активных пособников немецких оккупантов, обвинявших в измене Родине и в переходе на сторону фашистской Германии.

Расследованием данной категории уголовных дел занимались следственные управления (отделы) областных управлений Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР (далее – КГБ СССР). На всех делах стоял гриф секретности; доступ к следственной документации посторонним лицам был абсолютно закрыт. После судебного процесса и приговора дело закрывалось и сдавалось на хранение в ведомственный архив органа государственной безопасности. В этих условиях источником информации о данных судебных процессах оставались относительно небольшие заметки в областных газетах. Однако и они проходили тщательную редактуру в партийных и государственных органах. В целом же анализ научной разработанности исследуемой проблемы позволяет говорить о наличии большого количества “белых

пятен". Это касается и социального состава активных коллаборационистов на временно оккупированной территории СССР в 1941–1944 гг.

Настоящее исследование базируется на источниках, извлеченных авторами из архивов территориальных управлений Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ФСБ РФ) по Курской и Белгородской областям (последняя до 1954 г. была частью Курской области).

Первая группа источников представлена т.н. трофейными документами – совокупностью материалов, которые после освобождения советской территории от немецких захватчиков и их союзников попадали в распоряжение армейских органов контрразведки, а в последующем – территориальных органов государственной безопасности. Эти материалы позволяют получить исходную информацию о численности, динамике, социальном составе бывших служащих коллаборационистских органов власти на временно оккупированной территории СССР.

Вторая группа источников представлена архивно-уголовными делами бывших служащих различных коллаборационистских органов гражданской власти (бургомистров, городских голов, начальников управ, служащих отделов городских и районных управ, сотрудников бирж труда, редакторов местных профашистских газет, сельских старост и старшин), репрессивных структур (начальников и служащих городских и районных вспомогательных полиций, русских служащих жандармерии, местных казачьих отрядов, добровольцев тайной полевой полиции, секретных агентов немецких разведывательных и контрразведывательных органов, служащих тюрем и концлагерей для военнопленных и пр.).

Данные документы позволяют исследователю получить информацию непосредственно от лиц, которые были привлечены к уголовной ответственности по обвинению в измене Родине, о мотивации перехода на сторону фашистской Германии, выполняемых задачах, подчиненности, численном составе тех или иных коллаборационистских структур, личных характеристиках руководителей и подчиненных, методах выполнения возложенных обязанностей по утверждению германского "нового порядка".

В целом удалось составить относительно полную картину социального состава гражданского и военного коллаборационизма на территории Центрального Черноземья в период немецкой оккупации, выявить масштабы активного коллаборационизма части советских граждан на временно оккупированной территории Курской области в 1941–1943 гг., составить социальный портрет работников профашистских органов гражданского управления и репрессивных структур. В статье использован метод количественного анализа архивных документов территориальных управлений ФСБ РФ по Курской и Белгородской областям.

Подготовка и реализация планов оккупационной политики. Готовясь к нападению на Советский Союз, немецкое командование и другие ведомства начали готовить детальные планы и механизмы оккупационной политики. Принимались во внимание следующие обстоятельства: пространства, подлежащие оккупации, недостаточность вооруженных подразделений для поддержания установленного немецким командованием порядка, возможность сопротивления местного населения. Поддержание порядка и безопасности в тылу действующей армии было серьезной проблемой для нацистского руководства.

К началу Великой Отечественной войны в состав Курской области входило 66 сельских и 4 городских (в самом Курске) районов. Курская область объединила все районы нынешней Белгородской области, 7 районов современных Липецкой и Орловской областей. Население области в 1939 г. составило 3149 тыс. человек, из которых 2831669 человек проживали в сельской местности [ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 4. Л.16].

Немецкое командование придавало большое значение захвату данной области Советского Союза. Так, 4 ноября 1941 г. газета "Völkischer Beobachter", одно из центральных нацистских изданий, сообщила, что "...немецкой пехотой и танками взята

областной город Курск, один из наиболее важных железнодорожных узлов и промышленных центров” [Битва под Москвой... Книга 1, 2001: 459]. Оккупация Курской области осуществлялась в два этапа: первый – в ходе битвы за Москву (октябрь–декабрь 1941 г.); второй – в период немецкой наступательной операции “Блау-1” (“Синяя-1”) (28 июня – начало июля 1942 г.). В ходе первого этапа германским агрессорам удалось оккупировать территорию 50 из 66 сельских районов Курской области (из них 10 были оккупированы не полностью) [Курская область... Т. 2, 1962: 601–606]. В ходе второго этапа оккупации германские войска и их союзники захватили территорию восточных и юго-восточных районов области, за исключением 17 сельсоветов Волковского, Больше-Полянского и Тербунского районов (в настоящее время Липецкой области) [Курская область... Т. 1, 1960: 8]. Германский оккупационный режим на территории Курской области просуществовал от 7 (в восточных районах) до 23 месяцев (в юго-западных районах). 9 районов находились в оккупации до 23 месяцев, 2 района – до 18 месяцев, 33 района – до 17 и 22 до 8 месяцев. 14 районов области были под немецкой оккупацией дважды [ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 29. Д. 1049. Л. 1].

Реализация планов нацистской Германии на временно оккупированной территории СССР требовала отвлечения от боевых действий значительного воинского контингента. Поэтому по мере усложнения ситуации на фронтах фашистское командование все больше внимания начинает уделять поощрению коллаборационизма среди населения контролируемых территорий.

В октябре 1941 г. обер-квартирмейстер при командовании 16-й армии вермахта подписал циркулярное письмо руководству оккупационных комендатур. Название документа свидетельствовало о его содержании: “О списке гражданских лиц, настроенных лояльно к Германии”. В нем отмечалось: “... новое политическое деление русского населения наталкивается на этой стадии оккупации на особенные трудности. На политических основаниях в новом строительстве не могут быть использованы ни эмигранты, ни их потомки, несмотря на их однозначно антибольшевистские настроения” [Война Германии..., 1994: 83].

Кадры коллаборационистов. Продвижение в глубь территории Советского Союза вынуждало германское командование ускоренными темпами создавать органы гражданского управления, назначая на руководящие должности советских граждан, изъявивших желание участвовать в насаждении немецкого “нового порядка”. Реализация оккупационной политики на территории центральных областей РСФСР показала, что единого подхода к новому административному устройству у немецких захватчиков не было. Этим объясняется спектр форм организации гражданского управления на захваченных фашистской Германией территориях. “В административном отношении крупные города делились на районы, как правило, в старых границах. В каждом городском районе создавались районные управы со старшинами во главе. В районных управах имелись следующие отделы: а) административный; б) жилищный; в) технический; г) финансовый. Начальники отделов городской управы подбирались городским головой и с его характеристикой представлялись на утверждение германскому военному коменданту” [Ковалёв, 2011: 20–21].

На верхнем уровне коллаборационистских органов гражданского управления находились бургомистры, городские головы, начальники управ, начальники районов. В их руках оказывалась сосредоточена вся полнота власти, распространявшаяся на гражданское население, проживавшее на данной территории. В соответствии с распоряжением Главнокомандующего тыловой областью “Центр” от 7 мая 1941 г. бургомистрами могли быть назначены только политически и профессионально надежные люди, способные осуществлять руководство, причем выбор должен был осуществляться в “... теснейшем контакте с политической полицией и службой безопасности” [РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 51. Л. 100]. При подборе и назначении на руководящие должности действовал принцип персональной ответственности руководителя за своего подчиненного, а также работника аппарата управления за своего

сослуживца – фактически круговая порука, позволявшая оккупационным властям контролировать каждый шаг и весь состав управленцев на захваченной территории.

Материалы архивно-уголовных дел, трофейные документы позволили выявить основные характеристики руководителей и служащих коллаборационистских органов гражданского управления, созданных немецкими оккупантами.

Так, в Белгороде группа пособников немецких захватчиков подобралась из работников консервного завода треста “Главплодоовощ”. Городским главой был назначен начальник цеха Г.Х. Пфецер, его помощником Н.И. Рожков – коммерческий директор завода. Директором электростанции был назначен Розенталь – бывший инженер завода, старшим нарядчиком управы – экспедитор Попов. Членом городской управы стал заведующий отделом сбыта Четвериков. Городскую полицию возглавил Беланов (в прошлом инженер маслозавода), Жилищный отдел – Захарин, бывший заведующий отделом райисполкома [АУФСБ РФ по Курск. обл. Ф. 4-го отдела УНКВД. Д. 136. Л. 80 об.].

В городах на должности в управы назначались бывшие служащие местных государственных и советских органов. Необходимость в привлечении данного рода специалистов была продиктована требованиями по созданию приемлемых условий расквартирования и поддержания порядка для германских воинских частей. Практически повсеместно функционировали бани, парикмахерские, кафе-рестораны и даже бордели для немецких военнослужащих.

На следующей ступени коллаборационистских органов находились старшины и старосты (сел и деревень). В их обязанности входил контроль населения сельской округи. При освобождении Старооскольского района Курской области трофейные документы позволили реконструировать социальный состав старшин сельхозуправлений по состоянию на ноябрь 1942 г. Их было 28 человек. Каждый отвечал перед оккупационными властями за состояние дел на подконтрольной территории. Им выплачивалось денежное вознаграждение от 250 до 550 рублей в месяц в зависимости от количества проживавшего на подвластной территории сельского населения. Возрастной состав выглядел следующим образом. Самому старшему исполнилось 66 лет, самому молодому – 25 лет. В возрасте от 30 до 40 лет среди старшин данного района насчитывалось 5 человек, от 41 до 50 лет – 8 человек, от 51 до 60 лет – 13 человек. Как видим, оккупационные власти при назначении на должности старшин сельхозуправлений предпочтение отдавали мужчинам среднего возраста. Во внимание также принимались: наличие предшествующего опыта руководящей работы в сельском хозяйстве, уровень грамотности, авторитет у местного населения, отношение к новой власти.

Довольно схожая картина просматривалась среди самого нижнего звена коллаборационистских органов гражданского управления – сельских старост. Незначительные отличия старооскольских сельских старост от старшин сельхозуправлений заключались в том, что среди первых за период оккупации ни в одном населенном пункте не было назначено на эту должность лиц моложе 55 лет.

При подборе кадров и назначении на различные должности немецкие оккупационные власти во внимание принимали прежде всего преданность рейху; профессиональные и человеческие качества во внимание не принимались. На руководящие должности попадали люди, злоупотреблявшие спиртными напитками, должностным положением в личных корыстных целях. Так, заместитель председателя колхоза “Октябрьская революция” Губин, став старостой села Драгунское, беспробудно пьянствовал с немецким комендантом, выдал трех коммунистов. Председатель колхоза Бахолдин, желая выслужиться, отобрал у колхозников 200 коров. Старшиной в Прохоровке был назначен бывший приемщик зерна элеватора Пиндюк, а его помощником – бывший председатель колхоза “Новый мир” Дохов. Назначение на должности они заслужили у оккупационных властей посредством предательства – выдали немцам советских активистов [АУФСБ РФ по Курск. обл. Ф. 4-го отдела УНКВД. Д. 136. Л. 41].

Что касается репрессивных органов, то немецкие оккупационные власти постоянно увеличивали их численность. В короткие сроки повсеместно на территории Курской

области были созданы городские и районные органы полиции, численно превосходившие советские органы внутренних дел, существовавшие в довоенный период в данных населенных пунктах.

Именно русской вспомогательной полиции отводилась особая роль в насаждении и поддержании "нового порядка", полномочия которой были широки. В условиях военного времени власть, которая оказывалась в руках даже низового полицейского, была практически безгранична. К этому необходимо добавить то, что служба в полиции давала право на получение ежемесячного продовольственного пайка, денежного довольствия. "Все лица, работавшие в период немецкой оккупации в Валуйской полиции, на службу в полицию поступали добровольно, так как случаев, когда кого-либо принуждали служить в полиции, я не знаю", – признавал на допросе один из бывших руководителей полиции г. Валуйки (райцентр Курской области) Капустин [АУФСБ РФ по Белгор. обл. АУД № 13132. Т. 4. Л. 302]. По состоянию на конец осени 1942 г. общее число работников Валуйской городской и районной полиции составило 149 человек: из рабочих – 57%, из крестьян – 29%, из учащихся – 14%. Старооскольская вспомогательная полиция в этот период насчитывала в своих рядах несколько меньше работников – 135: из рабочих – 74 человека, из крестьян – 46, из учащихся – 15. Белгородская городская полиция состояла из рабочих – 99 человек (64%), из крестьян – 28%, из служащих и учащихся – 14 человек (8%).

Что касается возраста личного состава районных и городских отделов русской вспомогательной полиции Курской области, подавляющее большинство поступивших на службу в городские отделы полиции были в возрасте до 30 лет (например, в Валуйской вспомогательной полиции молодежь составила 105 человек, или 70,4% от общего числа; в Старооскольской – 96 человек или 67,5%; в Белгородской – 122 человека или 78,2%); лица от 30 до 40 лет – 25–30% от общего количества.

Наличие в русской вспомогательной полиции лиц с уголовным прошлым, откровенных стяжателей, авантюристов, люмпен-элементов создавало благоприятную среду по превращению данных органов не в защитников местного населения, а в постоянный источник преступности.

Среди тех, кого немецкие оккупационные власти назначали на руководящие должности в коллаборационистских гражданских и репрессивных органах нередко оказывались те, кто в своем прошлом имели непосредственное отношение к религии и церкви: бывшие служители религиозного культа или выходцы из семей священников. Так, городским головой Курска был назначен И.А. Смялковский, выпускник Киевской духовной академии, городским головой Валуйек – Руденко – местный священник; заместителем начальника Старооскольской полиции – бывший священник Н. Дородницын. Немецкое командование было осведомлено о притеснениях религии и церкви в СССР после 1917 г. и поэтому недовольных советской властью.

Изучение рассекреченных архивно-уголовных дел выявило только два дела, где обвиняемые и во время следственных действий и в ходе судебных заседаний заявляли о своей откровенной ненависти к советскому строю и желанию перейти на сторону фашистской Германии: уголовное дело бывшего начальника полиции Старого Оскола Н.А. Петрова (закрытое судебное заседание 1943 г.) и бывшего помощника начальника полиции г. Белгорода Г.И. Федоровского (открытый судебный процесс 1957 г.). Это были два откровенных врага советского государства, каждый из которых свою ненависть мотивировал личными обстоятельствами. Мотивом перехода на сторону фашистской Германии ими называлось желание отомстить конкретным представителям государственных, партийных, советских, а чаще всего правоохранительных органов за ранее нанесенные личные обиды. Довольно многочисленную группу лиц, перешедших на сторону гитлеровской Германии на временно оккупированной территории СССР, составили те, кто, спасая собственную жизнь, дезертировал из рядов Красной Армии.

Бывший редактор издававшейся в г. Орёл газеты "Речь" В. Самарин представил свою классификацию работников русской вспомогательной полиции: убежденные антибольшевики, которые считали, что не служат немцам, а служат будущей России без большевиков; противники советского режима, которыми двигала месть; те, кто пошел на службу к немцам из-за боязни голода и страха быть угнанным в Германию; агенты партизан и подпольщиков, передававшие им информацию [Чуев, 2006: 84]. По нашим сугубо ориентировочным оценкам эти группы в процентном отношении делились следующим образом. Убежденные антибольшевики, которые считали, что служат будущей России без большевиков – 1–2% от общего числа изменников Родины; противники советского режима, которыми двигала месть – 5–7%; те, кто пошел на службу к немцам из-за боязни голода и страха быть угнанным в Германию, а также из-за боязни погибнуть на фронте в рядах РККА – 90–92%; агенты партизан и подпольщиков, передававшие им информацию, составляли не более 1%; резидентура и агентура НКВД на оккупированной территории Курской области не была многочисленной.

Выводы. Немецкий оккупационный режим был предназначен для выкачивания сырьевых, продовольственных и людских ресурсов из захваченных территорий и для обеспечения безопасности немецких тыловых частей. Эти задачи совместно должны были решать и коллаборационистские гражданские и репрессивные органы власти.

Основная часть граждан, изъявивших желание поступить на службу в коллаборационистские органы, пытались выжить в крайне тяжелых условиях. Однако можно обнаружить закономерность – немецкие оккупационные власти на руководящие должности в коллаборационистские органы власти подбирали лиц, которые могли их убедить в своем искреннем желании бороться против советской власти, верой и правдой служить германскому "новому порядку". Именно эта характерная черта личности изменника Родины выделяла его из общей массы пособников немецких оккупантов и служила основанием для продвижения по служебной лестнице в фашистском аппарате порабощения Советского Союза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архив Управления Федеральной службы государственной безопасности Российской Федерации по Белгородской области (АУФСБ РФ по Белгор. обл.). АУД № 13132. Т. 4.
- Архив Управления Федеральной службы государственной безопасности Российской Федерации по Курской области (АУФСБ РФ по Курск. обл.). Ф. 10. Оп. 1. Д. 5 (1945).
- АУФСБ РФ по Курск. обл. Ф. 4-го отдела УНКВД. Д. 136.
- Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 4.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7021. Оп. 29. Д. 1049.
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 625. Оп. 1. Д. 51.
- Андреев В. Народная война. Записки партизана – офицера Великой Отечественной войны. М.: Военное издательство, 1949.
- Битва под Москвой: Хроника. Факты. Люди / В.А. Жилин, В.А. Греджев, М.А. Сапрыкин и др. М.: ОЛМА-Пресс, 2001.
- Война Германии против Советского Союза, 1941–1945: Докум. экспозиция города Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз: Каталог / Устроитель: Berliner Festspiele GmbH; Под ред. Рейнгарда Юрупа. Berlin: Argon, Cop., 1992.
- Ковалёв Б. Н. Повседневная жизнь населения России в период оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011.
- Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. / Сборник документов и материалов: В 2 т. / Парт. архив Курского обкома КПСС. Архивный отд. Упр. внутр. дел исполкома Курского облсовета депутатов трудящихся. Гос. архив. Курской обл.; Ред. комис.: Т.И. Архипова (пред.) и др. Курск: Кн. изд-во, 1960–1962. Т. 1: 22 июня 1941 г. – март 1943 г.; Т. 2: 1943 г.– 9 мая 1945 г.
- Чуев С.Г. Власовцы – пасынки Третьего рейха. М.: Яуза; Эксмо, 2006.

FACE OF TREASON (COLLABORATIONISTS IN KURSK REGION, 1941–1943)

BOGDANOV S.V.*, OSTAPYUK V.G.*,

Belgorod State National Research University, Russia

Sergey V. BOGDANOV, dr. sci. (hist.), Prof., Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia (dr.bogdanov_sv@mail.ru); Vladimir G. OSTAPYUK, cand. Sci. (law), Assoc. Prof., Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia (ostapyuk@bsu.edu.ru)

Abstract. The article is devoted to voluntary cooperation (active collaborationism) of individual Soviet citizens with the German occupation authorities during World War II. The paper used the method of quantitative analysis of a large array of previously inaccessible to the scientific community historical material. The article is based on declassified materials extracted from the archives of the territorial bodies of the Russian Federation State Security. The territorial boundaries of the study – Kursk region temporarily occupied by German troops and their allies. The article provides statistical information about the repressive activities of the KGB in relation to this category of offenders who have committed crimes in the territory of Kursk region. On the basis of introduced into scientific circulation documents quantitative and social composition of the organs of civil servants collaborationist control are discussed. We analyze the age structure and socio-professional affiliation of mayors, city of mayors, town council employees, agricultural district elders and village chiefs. Principles of operation of collaborationist organs of civil administration in the occupied territory are identified as well as number of collaborators, features of the age and social structure of Russian auxiliary police, formed by German occupiers on the territory of this region. On the basis of captured documents and archival materials of criminal investigations by the subsequent territorial bodies of the KGB in relation to this category of offenders, we traced the motivation of that part of Soviet citizens under occupation by Nazi Germany. Conclusions call into question simplified representation of the traitors of the motherland as representatives of mainly criminal environment, victims of the socialist modernization drive of the prewar decades.

Keywords: collaboration, treason, Kursk region, Russian Auxiliary Police, the German “new order,” the public security organs

REFERENCES

- Arkhiv Upravleniya Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii po Belgorodskoy oblasti (AUFBSB RF po Belgor. obl.). AUD № 13132. T. 4.
- Arkhiv Upravleniya Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii po Kurskoy oblasti (AUFBSB RF po Kursk. obl.). F. 10. Op. 1. D. 5 (1945).
- AUFBSB RF po Kursk. obl. F. 4-go otdela UNKVD. D. 136. Gosudarstvennyy arkhiv Kurskoy oblasti (GAKO). F. R-3605. Op. 1. D. 4.
- Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F. 7021. Op. 29. D. 1049.
- Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI). F. 625. Op. 1. D. 51.
- Andreyev V. (1949) Narodnaya voyna. Zapiski partizana – ofitsera Velikoy Otechestvennoy voyny. Moscow: Voennoye izdatel'stvo.
- Bitva pod Moskvoy: Khronika. Fakty. Lyudi (2001) / V.A. Zhilin, V.A. Gredzhev, M.A. Saprykin i dr. Moscow: OLMA-Press.
- Voyna Germanii protiv Sovetskogo Soyuz, 1941–1945: Dokum. ekspozitsiya goroda Berlina k 50-letiyu so dnya napadeniya Germanii na Sovetskiy Soyuz: Katalog (1992) / Ustroitel': Berliner Festspele GmbH; Pod red. Reyngarda Ryurupa. Berlin: Argon, Cop.
- Kovalov B.N. (2011) Povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii v period okkupatsii. Moscow: Molodaya gvardiya.
- Kurskaya oblast' v period Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuz 1941–1945 gg. / Sbornik dokumentov i materialov: V 2 t. / Part. arkhiv Kurskogo obkoma KPSS. Arkhivnyy otd. Upr. vnutr. del ispolkoma Kurskogo oblsobeta deputatov trudyashchikhsya. Gos. arkhiv. Kurskoy obl.; Red. komis.: T.I. Arkhipova (pred.) i dr. Kursk: Kn. izd-vo, 1960–1962. T. 1: 22 iyunya 1941 g. – mart 1943 g.; T. 2: 1943 g. – 9 maya 1945 g.
- Chuyev S.G. (2006) Vlasovtsy – pasynki Tret'yego reykh. Moscow: Yauza: Eksmo.

Received: 14.09.16. Accepted: 11.10.16.